

жен Мина Силыч Кочетов, глава старообрядческой общины, отказавшийся от своей вражды к «никонианству» и соединившийся «с общей матерью нашею церковью русскою» (глава II. Патриарх, прошедший с мечом и с миром).

Имея в виду это в общем отрицательное отношение Лескова к расколу, можно предположить, что его интерес к Аввакуму носит особый характер. Не религиозного или, еще более того, политического деятеля видел в нем Лесков. Он увидел в «Житии» Аввакума человеческий документ огромной силы и большого художественного своеобразия.

Создавая своего мятежного протопопа Савелия, Лесков воспользовался для этого образа психологическим обликом Аввакума и в некоторой мере стилем его «Жития», а не его фанатизмом и средневеково-схоластическими взглядами.

Пафос Савелия Туберозова — в борьбе за обмирщение церкви, за выход ее из рамок начальственных предписаний, за живое участие к народным нуждам и чаяниям. Савелий обращен к будущему, тогда как Аввакум, в представлении Лескова, смотрел назад.

Дальнейшее развитие взглядов Лескова на Аввакума подтверждает наше предположение об отрицательной оценке им общественного значения деятельности расколуучителя. В 1882 г. он печатает статью «Церковные интриганы»,⁵ посвященную книге Макария, митрополита Московского, «Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов» (М., 1881). В этой статье Лесков очень сурово отзывается о деятелях раскола. Аввакум для него «узкий, но неугомонный фанатик, с которым современные нам исторические романисты носятся как с „тихою лампадою“». ⁶ Не называя ни автора, ни самого романа, Лесков в своей статье высмеивает Д. П. Мордовцева как автора романа об Аввакуме («Великий раскол», М., 1881).

Д. П. Мордовцев в своих взглядах на раскол и Аввакума примыкал к А. Щапову, а Лесков к этому времени даже и в характере Аввакума уже не видел ничего достойного художественной разработки. Теперь Аввакум для него главным образом «интриган», а роман о нем лишь коллекция курьезов. К этому времени Лесков убедился в том, что «ошибочность больших симпатий к расколу несомненна, и она станет очевидна для всякого, кто захочет знать истину без предвзятых мнений».⁷

Если отношение к Аввакуму — общественному деятелю и даже к Аввакуму-человеку у Лескова менялось, становясь все более и более отрицательным, то в одном Лесков всегда остается верен. Язык Аввакума — живой, оригинальный, полный смелых образов и колоритных выражений — всегда, на всем протяжении творческого пути Лескова оставался для него источником слов и оборотов. Аввакумовское словечко «простец» Лесков рекомендовал своим литературным друзьям как замечательный образец народной речи. В произведениях, изображающих жизнь и нравы раскольников, например в повести «Запечатленный ангел» — одном из шедевров лесковского творчества, живо ощущается связь со стилистикой «Посланий» Аввакума.

Как замечательный художник русской народной речи Аввакум присутствует в сознании Лескова-художника всякий раз, когда он хочет изобразить человека из народа, затронутого книжной культурой и говоря-

⁵ Исторический вестник, 1882, май, стр. 364—390.

⁶ Там же, стр. 367.

⁷ Там же, стр. 390.